

I

Кажется, в 1776 году, когда в Альта Калифорния возникла миссия Кармело, человек двадцать новообращенных индейцев однажды ночью внезапно предали веру и наутро покинули свои хижины. Событие это, не столь уж значительное, могло, однако, послужить дурным примером и к тому же задерживало работы по производству необожженного кирпича в местных глиняных карьерах.

После короткого совещания церковных и светских властей был отправлен взвод кавалеристов во главе с испанцем капралом, дабы вернуть в лоно церкви ее заблудших детей. Этот поход по долине Кармело, а затем дальше, в горы, оказался не из легких, да и поплутать пришлось немало, ибо беглецы с каким-то дьявольским искусством запутывали свои следы. На поиски ушло не менее недели, и когда солдаты обнаружили наконец еретиков, мирно спящих среди зарослей папоротника на берегу небольшой реки, они их уже ненавидели всеми фибрами души.

Разгневанные каратели схватили индейцев и, невзирая на их вопли, привязали к длинной, тонкой цепи. Затем колонна развернулась и направилась обратно в Кармело, дабы предоставить бедным неофитам возможность искупить свою вину, трудясь в глиняных карьерах.

На следующий день, уже под вечер, вдруг выскочил олененок, промчался перед ними и скрылся за горой. Капрал бросился за ним вдогонку, покинув своих подопечных. Тяжеловесная кобыла с трудом карабкалась по крутому склону, острые шипы раздирали в кровь лицо капрала, но он рьяно преследовал вожака стада. Через несколько минут он был уже на горном кряже и остановился как вкопанный, пораженный развернувшейся перед его взором картиной — уходящая вдаль зеленая долина, на которой паслось стадо оленей. На ней росли огромные дубы, а опоясывающие долину горы заботливо оберегали ее от ветров и туманов.

Перед лицом этой безмятежной красоты дрогнул железный капрал. Тот капрал, который бичом раздирает в клочья коричневые спины рабов; неистовый родоначальник новой расы, в дальнейшем населившей Калифорнию, носитель цивилизации, бородатый и дикий, порывисто спрыгнул с седла и сорвал с головы каску.

— Мать Божья, — прошептал он. — Да ведь это зеленеют райские пастбища, и сам Господь привел нас сюда.

* * *

Его потомки почти белые. Мы можем только представлять себе, каким благоговением он был охвачен, увидев долину, но название, которое он ей дал, сохранилось и поныне. Она известна как *Las Pasturas del Cielo**. Судьба оберегала этот дивный уголок — ни один испанский гранд не стал его обладателем благодаря своему богатству либо женитьбе. Забытая всеми, окруженная горами, долина долго оставалась ничьей. Капрал, первооткрыватель Райских Пастбищ, всю жизнь собирался вернуться туда. Как многие наделенные необузданной энергией люди, он с тоской мечтал мирно закончить свои дни на берегу речушки, в глинобитном домике и слушать по ночам, как вздыхают за стеной коровы.

Но случилось так, что он заразился оспой от индианки, и когда недуг изуродовал его лицо, друзья заперли его в старом амбаре, дабы предотвратить распространение заразы; там он тихо скончался, ибо оспа, хоть и ужасна на вид, для отправляющегося в лучший мир не самый скверный спутник.

Спустя много лет несколько переселенцев с семьями осели в Райских Пастбищах, поставили изгороди, вырастили там фруктовые деревья. Поскольку законного владельца не было, соседи ссорились без конца. Прошло сто лет, в Райских Пастбищах жило двадцать семей на двадцати не-

* Райские Пастбища (*исп.*).

больших фермах. В середине долины расположились лавка и почта, а в полумиле от них, на берегу реки, стояло ветхое строение — школа, стены которой были сплошь испещрены инициалами.

Но вот в конце концов жизнь односельчан потекла спокойно и зажиточно. Земля была плодородна, возделывать ее было легко. В садах созревали самые вкусные фрукты в Калифорнии.

II

Ферма Бэттлов слыла среди обитателей Райских Пастбищ местом проклятым, ребятишки же считали, что там обитают привидения. И хотя земля на ферме была плодородная, сочная, никто ее не домогался; и в доме никто не хотел жить, ибо печалью и угрозой веет от земли и дома, внезапно покинутых теми, кто любил их и здесь трудился. И деревья вокруг брошенного дома были темные, и тени их на земле возбуждали тревогу.

Вот уже пять лет как опустела ферма Бэттлов. Сорняки, забывшие, что такое мотыга, вымахали выше кустов. В саду мощно разрослись фруктовые деревья, ветви их переплелись между собой. Фруктов стало больше, но размером они сделались поменьше. Ежевика проросла сквозь корни яблонь, яблоки, падая, скрывались в ней.

Сам дом, двухэтажное, добротное, прямоугольное здание, был прекрасен и величав, пока не потемнела его белая окраска, но затем произошли события, которые сделали его заброшенным и одиноким. Дикие растения оплели веранды, стены дома

стали серыми от ветра и дождей. Мальчишки, эти лейтенанты, всегда готовые к войне против творений рук человеческих, повыбивали во всех окнах стекла и вытащили из дома все, что только можно было вытащить. Мальчишки ведь считают, что каждый предмет, достаточно легкий, чтобы его уволочь, и не имеющий хозяина, всегда согдится дома для какой-нибудь игры. Они выпотрошили дом, забросали всяким мусором колодцы, а потом по чистой случайности, тайно покуривая на сеновале настоящий табак, сожгли до основания амбар. Пожар, как водится, свалили на бродяг.

Опустошенная, заросшая сорняками ферма находилась почти в центре долины. По обе стороны от нее расположились самые богатые, процветающие участки в поселке. Она торчала, как бельмо в глазу, рядом со своими нарядными, ухоженными соседками. Жителям поселка это место казалось зловещим, поскольку с ним были связаны ужасная история и совершенно непостижимая тайна.

Два поколения Бэттлов прожили на ферме. Джордж Бэттл пришел сюда, на запад, в 1863 году из штата Нью-Йорк; был он тогда молод — призывного возраста. Мать дала ему денег на покупку фермы и на постройку большого, просторного дома. Когда все было сделано, Джордж Бэттл послал за матерью. Старуха собралась в путь, наивно полагая, что весь мир это не более чем десять миль во все стороны от ее деревни. Она увидела легендарные города — Нью-Йорк, Рио и Буэнос-Айрес.

Едва отплыв от Патагонии, она умерла, и моряки похоронили ее в серых волнах океана, а гробом ей послужил кусок холста и три звена привязанной к ногам якорной цепи, а она-то мечтала лечь в могилу на домашнем кладбище, где полно своих.

Джордж Бэттл стал присматривать себе женщину, в которую не жалко было бы вложить капитал. В Салинасе он обрел мисс Мертл Камерон, старую деву тридцати пяти лет, обладательницу небольшого приданого. Мисс Мертл не вышла замуж оттого, что страдала некоторой склонностью к эпилепсии, болезни, которую в те времена называли падучей и приписывали гневу Божьему. Джордж не стал тревожиться из-за этого. Он понимал, что не все ему по карману. Мертл стала его женой, родила ему сына, а потом, после того как она дважды попыталась поджечь дом, ее заключили в маленькую частную тюрьму в Сан-Хосе, под названием «Санитариум Липмана». Остаток дней своих она прожила там, вышивая на холсте картины из жизни Иисуса Христа.

А затем хозяйство в доме Бэттлов вели многочисленные раздражительные домоправительницы из тех, кто помещает в газетах объявление: «Вдова, 45 лет, ищет место экономки на ферме. Хорошо готовит. Грамотна». Они являлись одна за другой и в течение нескольких дней были милы и печальны, пока не узнавали о существовании Мертл. Тут они, сверкая глазами, принимались громко топтать по всему дому, глубоко возмущенные тем, как их ловко облапошили.

Джордж Бэттл к пятидесяти годам превратился в сгорбленного работой старика, сурового и неприветливого. Он не поднимал глаз от земли, которую так терпеливо обрабатывал. Руки — грубые, темные, в трещинах, похожие на медвежьи лапы. А ферма была прекрасна. Деревья в саду, все как одно, аккуратно подстрижены и ухожены. На ровных, сделанных как по линейке грядках зеленели свежие овощи. Джордж любил свой дом, он разбил перед домом цветник. Второй этаж так и остался необитаемым. Эта ферма представляла собою поэму, сложенную человеком, не умеющим говорить. Он терпеливо создавал ландшафт и ждал свою Сильвию. Сильвию он не дождался, но, ожидая ее, продолжал выхаживать свой сад. Все эти годы рядом с отцом рос сын, но Джордж почти не обращал внимания на мальчика. Для него существовали только фруктовые деревья и зеленые, свежие грядки на огороде. Когда сын его Джон покинул дом — он стал странствующим проповедником, — Джордж не скучал о нем. Он продолжал трудиться, с каждым годом все ниже пригибаясь к земле. Соседи никогда не заговаривали с ним, — все равно он их не слушал. У него были всегда скрючены руки, и постепенно они превратились в некие приспособления — рукоятки всевозможных инструментов словно срастались с его ладонями. Он умер в шестьдесят пять лет — от старости и кашля.

Джон Бэттл вернулся в своей повозке домой и вступил во владение фермой. От матери он унаследовал эпилепсию и фанатичную веру в Бога.

Всю свою жизнь Джон посвятил борьбе с нечистой силой. В бытность миссионером он вздымал руки, вызывал бесов и тут же сокрушал их, изгонял, искоренял духов зла. Но и по возвращении домой нечистая сила требовала его внимания. Овощи на грядках рассыпали семена, несколько раз прорастали новые всходы, но победили в конце концов сорняки. Ферма двинулась назад, к первоначальному состоянию, бесы же становились все сильнее и совсем обнаглели.

Чтобы спастись от них, Джон Бэттл вышел на одежде и шляпе маленькие белые крестики и, экипированный таким образом, объявил войну легионам духов тьмы. В сумерки он бродил с большой палкой по ферме. Бросался на кустарник, молотил палкой по кустам, яростно выкрикивая проклятия, пока черти не уберутся. В ночном мраке продирался сквозь заросли кустов к месту сборищ нечистой силы и бесстрашно на них бросался, избивал без жалости. А днем уходил в дом и спал: днем черти прячутся.

Как-то под вечер, на закате, Джон крался к кусту сирени возле дома. Он знал, что этот куст служит тайным пристанищем демонов. Приблизившись настолько, что нечистым уже некуда было бежать, он вскочил и с громким воплем бросился на куст, размахивая палкой. Удары палки разбудили змею, она зашипела спросонья, медленно поднимая свою плоскую головку. Джон выронил палку и затрясся — кровь холодеет, когда слышишь шипение змеи. Он упал на колени и начал молить-

ся. Но вдруг он вскрикнул: «Знаю, что это за змея! Вон отсюда, дьявол!» — и набросился на нее с голыми руками. Трижды ужалила его змея в шею — там не было крестиков, его защиты. Борьба продолжалась недолго — через несколько минут он умер.

Соседи нашли его, лишь заметив, что канюки стали пикировать с неба, обнаружили они его в таком виде, что навсегда прониклись ужасом перед фермой Бэттлов.

Ферма пустовала десять лет. Ребятишки говорили, что в доме завелись привидения, и бегали туда по вечерам — дети любят страшное. Что-то жуткое было в старом, мрачном доме с глазницами выбитых окон. Краска осыпалась белой шелухой, задралась лохмотьями кровельная дранка. Участок пришел в полное запустение. Он достался в наследство дальней родственнице Джорджа Бэттла, но она ни разу не видела ферму.

В 1921 году хозяевами фермы Бэттлов стали Мастровичи. Их появление было неожиданным и загадочным. Внезапно прибыли однажды утром старик и его старуха, тощие, кожа желтая, блестящая, туго натянутая на выдающихся скулах. Они не говорили по-английски. И объяснялись с жителями долины, только прибегая к помощи сына. Это был крупный мужчина с такими же, как у родителей, выпирающими скулами, с неровно подстриженными и спадающими на лоб черными волосами, с угрюмыми, тусклыми черными глазами. Он говорил по-английски с ак-

центом, да и то только тогда, когда ему было что-нибудь нужно.

Встречаясь с младшим Мастровичем в лавке, соседи пытались расспросить его, но не получали ни малейших сведений.

— А мы думали, у вас там духи водятся. Вы их не видели? — спросил его как-то Т. Б. Аллен, хозяин лавки.

— Нет, — ответил молодой Мастрович.

— Ферма будет что надо, только сорняки выполоть. — Мастрович направился к выходу.

— Что-то там не так, — сказал Аллен. — Кто на этой ферме ни поселится, все терпеть не могут разговоров.

Стариков Мастровичей мало кто видел, молодой же человек работал с утра до ночи. Он очистил участок и засадил его, подрезал деревья и опрыскивал их — все без помощников. Когда ни пройдешь, он все работает, работает, лихорадочно, прямо бегом носится, а лицо такое, будто он боится, что время остановится прежде, чем он успеет собрать урожай.

Вся семья жила и спала в кухне большого дома. Остальные комнаты были заперты и пусты, выбитые стекла не вставляли. Чтобы спастись от сквозняков, Мастровичи заклеили кухонные окна липкой бумагой от мух. Красить дом они не стали, да и вообще ничего с ним не делали, но под напором лихорадочных усилий их сына ферма снова расцвела. Едва начинало светать, он уже выходил из дома, возвращался же в сумерки.

Но вот как-то утром Пэт Хамберт по пути в лавку заметил, что в доме Мастровичей не идет дым из трубы.

— А ферму-то вроде снова бросили, — сказал он Аллену. — Кроме этого парня, мы, правда, никогда там никого не видали, но что-то не так. Я, понимаешь, чувствую — бросили дом.

Три дня соседи по деревне поглядывали на трубу с опаской. Им ужасно не хотелось приступить к расследованиям — занятие предельно идиотское. На четвертый день Пэт Хамберт, Т. Б. Аллен и Джон Уайтсайд направились все-таки к дому. Там было подозрительно тихо. И впрямь подумаешь: жильцы уехали. Джон Уайтсайд постучал в дверь кухни. Поскольку не последовало ни ответа, ни даже шороха, он повернул ручку. Дверь отворилась. На кухне было безупречно чисто, стол накрыт, на нем — блюда, тарелочки с кашей, яичница, хлеб нарезан. На продуктах уже образовался налет плесени. В лучах света, проникавшего в помещение сквозь открытую дверь, роились мухи.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул Пэт Хамберт, сам понимая, что вопрос звучит глупо.

Они старательно осмотрели весь дом, он был пуст. Мебели в комнатах не было — только на кухне. Ферму бросили, причем насовсем, бросили молниеносно.

Впоследствии, когда шерифу сообщили о случившемся, он тоже ничего не обнаружил. Мастровичи заплатили за ферму наличными и исчез-

ли, не оставив ни малейших следов. Никто не видел, как они уехали, их вообще больше никто не видел. И никаких таких особых преступлений в этом районе тоже не совершалось. Мastroвичи исчезли внезапно, вот будто сели однажды утром позавтракать — и вдруг исчезли. В лавке Аллена об этом много толковали, но загадка так и осталась загадкой.

Земля снова заросла сорняками, плющ опутал ветви фруктовых деревьев. Ферма словно приучилась дичать, разруха наступила быстро. За неуплату налогов ее предали монтерейской компании по торговле недвижимым имуществом, а жители Райских Пастбищ, кто про себя, кто вслух, твердили, что ферма Бэттлов — проклятое место. «Земля-то хороша, — говорили они, — но мне ее и даром не нужно. Уж не знаю, что там такое, только странные дела творятся, даже в дрожь бросает. Так и в нечистую силу поверить недолго».

У жителей Райских Пастбищ перехватило дыхание, когда они узнали, что на ферме Бэттлов снова появились обитатели. Пэт Хамберт, увидев возле фермы машины, принес эту новость в лавку Т. Б. Аллена, а уж тот пустил ее дальше. Фантазия Аллена заработала, он вообразил себе все обстоятельства, связанные с появлением новых владельцев, и доверительно рассказывал о них своим посетителям, неизменно начиная со словечка «говорят».

— Говорят, тот малый, что купил ферму, он из тех, кто ищет призраков, а потом о них пишет.